

Культурная история, социология эмоций и критические исследования счастья

ФЕДОР В. НИКОЛАИ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва;

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>

8

Рекомендация для цитирования:
Николаи Ф. В. (2026) Культурная история, социология эмоций и критические исследования счастья. *Социология власти*, 38 (2): 8-22. EDN: VJNHGE

For citation:
Nikolai F. V. (2026) Cultural History, Sociology of Emotions and Critical Studies of Happiness. *Sociology of Power*, 38 (2): 8-22.

Поступила в редакцию: 12.06.2025;
прошла рецензирование: 10.10.2025;
принята в печать: 20.03.2026
Received: 12.06.2025; Revised:
10.10.2025; Accepted: 20.03.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В последней четверти XX — начале XXI в. счастье становится объектом анализа огромного количества социологических, антропологических и историко-культурных исследований. В рамках этого «поворота к счастью» долгое время центральное положение занимал тезис о господствующей зависимости счастья от уровня экономического благополучия, хотя эмпирические исследования показывали многочисленные его социально-культурные ограничения. В последние годы несколько теоретических проблем привлекают особое внимание исследователей. Во-первых, это темпоральные составляющие счастья: спад характерной для эпохи модерна устремленности в будущее, рост ретропической ностальгии и презентизма. Счастье оказывается все более зависимо от «архивов счастья и несчастья» — обширного комплекса идей, нарративов, образов, широкого спектра повседневных практик и взаимодействий, а также ностальгических или негативных воспоминаний об угнетении, страданиях, болезнях и насилии, определяющих пространство нашего опыта. Во-вторых, подчеркивается неразрывная взаимосвязь представлений о счастье с масштабным комплексом негативных эмоций и ощущений (прежде всего, страхов и опасений), терапев-

тическим «антидотом» для которых и выступает нормативная модель счастья как благополучия. В-третьих, для современных исследований счастья важен поиск адекватного языка описания эмоций и признание необходимости постоянного его уточнения. В этом смысле «поворот к счастью» выступает как перформатив — действие, устанавливающее новые связи между словами и ощущениями, между прошлым и возможным будущим. Важной задачей диалога между социальной теорией и полевыми социологическими и антропологическими исследованиями представляется определение маркеров верификации этих гипотез и степени их валидности для представителей разных сообществ и поколений.

Ключевые слова: критические исследования счастья, благополучие, надежда, эмоциональные сообщества, режимы счастья, поколения

Cultural History, Sociology of Emotions and Critical Studies of Happiness

Fedor V. Nikolai

HSE University, Moscow;

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>

9

Abstract: In the last quarter of the 20th and early 21st centuries, happiness has become the object of analysis in numerous sociological, anthropological, and cultural studies. Within this “happiness turn”, the idea that happiness depends on the level of economic well-being has long prevailed. But several theoretical problems have attracted particular attention from researchers in recent years. First of all, the temporal components of happiness: the decline of the aspiration to the future and the growth of retrotopical nostalgia and presentism. Happiness turns out to be increasingly dependent on the “archives of happiness and unhappiness” — a vast complex of ideas, narratives, images—a wide range of everyday practices and interactions — that determine the space of our experience. Secondly, the interconnection of happiness with a large complex of negative emotions and feelings (primarily fears and anxieties), for which the normative model of happiness as wellbeing acts as a therapeutic “antidote”. Thirdly, for critical studies of happiness, it is important to find an adequate language for describing emotions and to recognize the need for its constant clarification. In this sense, the “happiness turn” acts as a performative — actions that establish new connections between words and feelings, between the past and a possible future. An important task of the dialogue between social theory and applied sociological and anthropological research is to determine the markers of verification of these hypotheses and their validity for different communities and generations.

Keywords: critical studies of happiness, wellbeing, hope, emotional communities, happiness regimes, generations

Рост интереса к социальным исследованиям счастья с конца XX в. наблюдается в культурной истории, антропологии и политической социологии эмоций (McMahon 2006; Stearns 2021; Barclay, McMahon, Stearns 2024). Известный историк Б. Розенвейн насчитывает 887 работ о счастье, опубликованных в 1950–1980-е гг., и 8346 исследований 1981–2011 гг. (Rosenwein 2024, p. 79). При этом важно отметить, что «поворот к счастью» связан не просто с ростом количества таких исследований или их качественным обогащением за счет установки на «междисциплинарность» (термин, ставший слишком банальным и почти «пустым» в современных условиях), но с активной саморефлексией и выстраиванием критической дистанции по отношению к господствующему неолиберальному нарративу, трактующему счастье как экономическое благополучие. Особое внимание критических исследований счастья (Hill, Brinkmann, Petersen 2020) привлекают несколько теоретических проблем: сложность разграничения близких эмоций, а также комплексный характер взаимосвязей аффектов — ощущений — эмоций — ценностных установок и идей; неразрывная взаимосвязь представлений о счастье с масштабным комплексом негативных эмоций и ощущений (усталостью и одиночеством, обидой и resentmentом), терапевтическим противоядием для которых и выступает нормативная модель счастья как благополучия; темпоральные составляющие счастья — существенный спад устремленности в будущее и рост презентистских элементов, а также ретропической ностальгии. Большинство исследователей вслед за В. Беньямином и Т. Адорно (Беньямин 2000, с. 81; Адорно 2003, с. 333–335) считают, что «погоня за счастьем» как оптимистическая устремленность в светлое будущее составляла важную часть темпоральных установок социально-культурного проекта модерна в целом. Как отмечает известный социальный теоретик З. Бауман, «Дух модерна был рожден под знаком погони за счастьем — за еще большим и большим счастьем» (Bauman 2006, p. 48).

Однако «поворот к счастью» в последние годы не только способствует появлению новых идей и переосмыслению прежних теоретических концепций, но и провоцирует растущий разрыв между социальной теорией и прикладными социологическими исследованиями, в рамках которых трудно верифицировать все более сложные аргументы дискуссий о темпоральности, о понятии аффекта и т. д. Особенно это характерно для ситуации в России, где исследования счастья делают первые шаги, и поэтому соблазн легких ответов на сложные вопросы оказывается слишком силен.

В российских социальных исследованиях преобладают проекты, фиксирующие зависимость счастья от возраста, принадлежности к тем или иным социально-профессиональным группам, качества социальной среды, структуры социальных коммуникаций, меж-

страновых различий и ряда других факторов (Андреенкова 2020; Черныш 2019). Большая часть этих исследований носит прикладной характер и вслед за Р. Инглхартом сближает счастье и благополучие. По сути, такая позиция с небольшими корректировками воспроизводит неолиберальный нарратив. Работы, пытающиеся принципиально разграничить счастье и благополучие, крайне редки (Сушко 2020).

В этом контексте несомненный интерес представляет растущее количество публикаций по социологии эмоций (Гончарова 2019; Сиимонова 2018; Троцук 2021), которые стремятся проблематизировать существующий эмпирический подход к исследованиям счастья, но носят скорее обзорный характер — стремятся сравнить между собой преобладающие в мировой литературе подходы (Долгов 2020; Николаи 2024). Собственно счастье и особенности его восприятия в России здесь почти не рассматриваются — речь идет о доминирующих эмоциональных нормах в современном обществе в целом.

Отдельно стоит обозначить антропологические исследования, которые пытаются совместить ревизию теоретических рамок и полевые наблюдения за представлениями о счастье в связи с трансформациями советского/постсоветского общества. Н. Ссорин-Чайков использует в этой связи очень удачную, на наш взгляд, метафору карты, отмечая, что этнографию советского и постсоветского счастья еще нужно написать:

«Этнографическая карта здесь — это не карта народов, а пространственное отображение социальных практик и идей, которые изучаются этнографическими методами. Наша карта состоит из двух частей. Первая часть — это карта предстоящего пути; ее составляют прежде, чем начать двигаться. Это план действий, который показывает, где и как люди намереваются искать счастье, чем руководствуются в своих поисках. <...> Вторую часть карты составляет топография уже пройденного пути. Пригородная застройка “одноэтажной Америки”, дворцы счастья, великие стройки коммунизма — все это следы, которые люди оставили на этом пути, пространство, которое они создали, причем вне зависимости от того, нашли ли они то, что искали. Две эти карты, как правило, не совпадают. Первая часто так и остается утопией; это проекция как в будущее, так и в прошлое — в детство или в Золотой век» (Ссорин-Чайков 2013, с. 8).

Исследователь подчеркивает темпоральное измерение представлений о счастье — его ретротопический (идеализирующий прошлое), или «отложенный», направленный в будущее характер, преобладавший в эпоху модерна с ее интересом к утопиям. Утопическое измерение счастья отмечают также Е. Добренко и М. Балина (Balina, Dobrenko 2009). Сложный характер соотношения коллективного и индивидуального счастья в советском обществе и низкую

продуктивность его противопоставления постсоветскому подчеркивают в своей статье Р. Байбурин и А. Пиир (Байбурин, Пиир 2008). Развивая этот тезис, отметим принципиальную важность уточнения данного вопроса применительно к темпоральным и ценностным установкам разных поколений жителей современной России. Прикладные социологические исследования могут способствовать уточнению топографии счастья и фиксации тех его темпоральных составляющих, которые существенно отличались от нормативных рамок советского общества и не укладываются в современные неолиберальные установки.

12 С другой стороны, обширная западная литература, посвященная исследованиям счастья, также нуждается в подробной топографии, которая позволила бы соотнести между собой специфику дисциплинарных подходов в этой области, общую эволюцию проблематики в 1970–2020-е гг. и ключевые теоретические проблемы, обсуждаемые в последнее время. Разработка такой топографии представляется актуальной задачей отдельного большого исследования. В данной статье мы лишь обозначим несколько ключевых идей, которые кажутся наиболее перспективными для обсуждения и возможной верификации в прикладных социологических исследованиях применительно к запросам современного российского общества.

Во-первых, это соотнесенность счастья со сложным комплексом негативных эмоций и ощущений. Известный специалист по истории эмоций, профессор Лондонского университета королевы Марии Т. Диксон справедливо отмечает, что большая часть эмоций не существуют «в чистом виде», но сложно соотнесены между собой: близкие по тональности эмоции связаны «семейными сходствами» (которые можно классифицировать и поделить на группы и периоды, подобно химическим элементам в таблице Менделеева). В рамках общего эмоционального режима эмоции всегда соотнесены со своими противоположностями (например, родители желают счастья своим детям и одновременно опасаются за их безопасность). Центральной осью этой оппозиции в эпоху модерна Диксон считает взаимосвязь счастья и страха:

«Двойная связь счастья и страха очевидна в том, как современные правительства измеряют и думают об эмоциональной жизни своих граждан. <...> Это колебание между счастьем, страхом и государством можно определить как “структуру чувств” — повторяющуюся модель эмоций, которая стала возможной благодаря целому ряду социальных и культурных факторов. Мы можем проследить ее истоки до XVIII в.» (Dixon 2023, pp. 63–64).

По мнению Диксона, именно эта оппозиция, начиная с Э. Берка и И. Канта, привела к широким дискуссиям вокруг понятия *воз-*

вышнего, игравшего ключевую роль в эстетике модерна (Будрайтскис 2021; Лаку-Лабарт 2009; Подорога 2020; Подорога 2022). Важной причиной роста значимости счастья среди других эмоций стало его позиционирование как важного объекта «правительности», максимально связанного с разумом и выступающего центром контроля за другими эмоциями, ощущениями и аффектами. С этой точки зрения предельно важно ответить на вопрос: что современные россияне считают антонимом счастья; чего они опасаются; что снижает (или может снизить) их ощущение счастья?

Во-вторых, как уже было отмечено выше, представления о счастье неразрывно связаны с вопросами темпоральности и исторического воображения. С. Ахмед в своей известной книге «Обещание счастья» так же, как и Т. Диксон, фиксирует амбивалентность эмоций и неразрывную связь надежды и страха; утопических ожиданий и дистопических образов будущего. Позитивная психология опирается на очень специфическую модель субъективности, в рамках которой человек знает, что он чувствует; где различие между хорошими и плохими чувствами устойчиво, и это различие формирует основу субъективного и социального благополучия.

13

«Исследования культуры и психоанализ <...> предлагают альтернативные теории эмоций, в которых субъект не всегда знает, что он чувствует. Исследования культуры и психоанализ позволяют понять, что повседневные привязанности и представления о достойной жизни включают амбивалентности — переплетение приятных и неприятных ощущений. Исследования счастья могут стать изучением грамматики такой амбивалентности» (Ahmed 2010, p. 6).

В этой цитате важна не только критика неолиберальной трактовки счастья как благополучия и ее морализаторских оснований, но и декларация амбивалентности большинства повседневных эмоций, которые требуют более глубокого и комплексного осмысления на стыке личного и политического пространства. Кроме этого, С. Ахмед подчеркивает важность проективной, творческой составляющей счастья. С ее точки зрения, счастье всегда опирается на работу воображения и выбор из нескольких *возможных*¹ вариантов будущего (и прошлого): отказ от клише «счастливой домохозяйки» и неолиберального понимания счастья как потребительского благополучия в пользу надежды на справедливое будущее.

1 В английском языке счастье (happiness) этимологически связано с «возможным» (perhaps). «Напомним, что “возможно” имеет общий корень (hap) со “счастьем”. Счастливое будущее — это будущее как возможность» (Ahmed 2010, p. 198).

При этом у Ахмед счастье связано не с констатирующими текущую ситуацию высказываниями, а с перформативом — оно предполагает активную работу, меняет наше будущее и прошлое (а следовательно, и настоящее). «Я хочу установить то, как говорят о счастье, как его проживают и практикуют; для меня счастье — это то, что оно делает» (Ibid., p. 15). Подчеркнем, что речь идет о специфической констелляции прошлого и будущего, которую можно назвать контингентной¹, то есть предполагающей альтернативные сценарии, не предопределенной. Такое понимание перформативного характера счастья С. Ахмед противопоставляет классическому историзму с его линейным восприятием времени. В этом смысле «поворот к счастью» — это не просто рост количества публикаций, но перформатив, — *действия*, устанавливающие новые связи между прошлым и возможным будущим.

14

С одной стороны, счастье оказывается зависимо от «архивов счастья и несчастья» — обширного комплекса идей, нарративов, образов, широкого спектра повседневных практик и взаимодействий (а также ностальгических или негативных воспоминаний об угнетении, страданиях, болезнях и насилии), определяющих пространство нашего опыта. С другой стороны, будущее оказывается открытым возможным изменениям. Эта открытость фиксируется *надеждой* как хрупкой и амбивалентной эмоцией, во многом соизмеримой с ностальгией (только направленной в другую сторону) и принципиально отличающейся от рационального планирования.

«Обычно надежда описывается как эмоция, ориентированная в будущее. <...> Надежда — это чувство, которое присутствует в настоящем, но направлено на объект, которого еще нет. Я полагаю, что счастье ориентировано в будущее: даже если мы испытываем счастье в настоящем; вам обещают счастье через близость к объектам, которые делают счастье “ожидаемым”. <...> Надежда также включает в себя воображение и желание, которые учат нас тому, к чему мы стремимся в настоящем. Надежда — это ожидание того, что желанная возможность станет действительностью» (Ibid., p. 182).

Ахмед пытается соединить концепцию утопии Ф. Джеймисона и философию надежды Э. Блоха, проецируя их на политическую социологию эмоций и исследования популярной культуры. С этой точки зрения счастье носит утопический характер в том смысле, что постоянно производит различия между господствующим образом будущего и его альтернативами, формирует новые конфигурации

1 Подробнее о понятии контингентности как непредопределенности, открытости не только будущего, но и прошлого см.: (Корчинский 2024; Олейников 2021).

и переплетения надежды и отчаяния, оптимизма и пессимизма, счастья и недовольства, утопии и дистопии. «Утопическая форма является свидетельством возможности альтернативы и подразумевает надежду в самом способе своего существования как критики настоящего. <...> Утопическая форма не делает альтернативу возможной; ее цель — сделать невозможной веру в то, что альтернативы нет» (Ahmed 2010, p. 163). Таким образом, счастье выступает у Ахмед как креативный процесс выработки желаемой констелляции прошлого, настоящего и будущего, не предполагающей неизбежность линейного перехода и признающей возможность разрывов между ними, а также опирающейся на слабую «искру надежды» (В. Беньямин).

Такая оптика делает предельно значимым не столько нарративные и практические компоненты исторического воображения (Х. Уайт), но переносит акцент на его эмоциональные составляющие. Эти составляющие (исторического) воображения предельно важны и для Е. Иллуз, которая рассматривает трансформацию романтического нарратива любви в условиях роста неопределенности в современном обществе. «Современные институты воображения настойчиво предлагают и поощряют сдержанную форму мечтательности, главным образом посредством беспрецедентного производства печатных и визуальных средств массовой информации, в которых наглядно представлены убедительные повествования о хорошей жизни. Модернизм в значительной степени заключается в способности по-новому представлять себе общественно-политические связи. Эти новые воображаемые связи включают не только политические отношения, но что, пожалуй, еще более важно — утопии личного счастья. <...> Воображение идет рука об руку с демократизацией и обобщением идеала счастья, понимаемого как материальное и эмоциональное состояние» (Иллуз 2020, с. 328). По мнению Иллуз, сегодня эта работа воображения, наполненного старыми нарративами (от романтической любви до счастья как благополучия), вызывает растущее разочарование и поиск новых/ретротопических фабул и сюжетов, а главное — изменение самой структуры воображения, все более зависящего от меняющихся медиа (Ветушинский 2019). Все эти идеи могут оказаться предельно важными для исследования структуры российского «социального воображаемого» (Ч. Тейлор), включающего различия в механизмах самоидентификации разных поколений россиян с сообществами того или иного уровня.

В-третьих, для современных исследований счастья важна проблема компаративного анализа языков выражения и описания эмоций, признание необходимости постоянного их уточнения. Уже в начале 1960-х гг. Х. Арендт в своей книге «О революции» проблематизировала различия французской и американской ре-

волюций конца XVIII в., в том числе через различие их представлений о счастье и обращение к античной риторике, противопоставляемой политическому языку эпохи модерна. «То, что во Франции было “страстью” и “вкусом”, в Америке стало реальным опытом; и то, что когда в американском обиходе, особенно в XVIII веке, говорили о “публичном счастье”, а во французском при этом использовали словосочетание “публичная свобода”, довольно ясно определяет это различие. Под публичной свободой американцы понимали непосредственное участие в публичных делах, а потому любая связанная с этим деятельность не считалась обузой, а, напротив, дарила вовлеченным в нее несравнимое ощущение счастья, которое нельзя было получить где бы то ни было еще» (Арендт 2011, с. 156). С этой точки зрения в США публичная сфера оказалась связана с пониманием счастья как активного самовыражения, а во Франции — с трактовкой счастья как благополучия граждан и неприкосновенности их приватной сферы. Важно, что этот режим соединения эмоций и политического языка, по мнению Арендт, «более чем любая революция определил облик XIX, а отчасти также и XX столетия» (Арендт 2011, с. 191). Однако сегодня это соотношение меняется, что подталкивает целый ряд исследователей к созданию неологизмов вроде «эмоционального опыта» (McKenzie 2016) или «режимов счастья» (Contreras-Vejar, Turner 2019). Последний термин, который разрабатывают известный социолог Б. Тернер и Ю. Контрерас-Вехар, представляется особенно продуктивным потому, что позволяет согласовать позиции участников долгой дискуссии об «эмоциональных сообществах» и «эмоциональных режимах». Напомним, что последние вслед за У. Редди настаивают на согласованности эмоций между собой и высокой степени контроля за стратегиями выражения эмоций и эмотивов со стороны государства. Тогда как первые вслед за Б. Розенвейн подчеркивают децентрализованный характер эмоциональных сообществ, которые могут не очень пересекаться друг с другом и далеко не всегда подвергаются централизованному контролю. В этом контексте важной задачей социальных исследований представляется соотнесение представлений о счастье, ценностных и эмоциональных установок различных социальных групп и поколений. Общей целью диалога между социальной теорией и прикладными социологическими исследованиями может выступать определение маркеров этих различий или совпадения позиций; а также обозначение контуров семантических взаимосвязей счастья, удовлетворенности жизнью, благополучия, комфорта, удовольствий, радости и оптимизма — соотнесение между собой этих слов и установление грамматики выстраивания цепочек их взаимосвязей в высказываниях респондентов.

Поэтому предельно актуальной задачей представляется выстраивание диалога между теоретическими и прикладными социальными исследованиями, и данный блок статей хотелось бы рассматривать как один из шагов в данном направлении. Статья Игоря Кобылина и Ксении Игаевой «Капиталовложения в счастье», или Губернаментальная машина сознательности» посвящена анализу представлений о счастье, сложившихся в рамках советской версии управленчества (губернаментальности) и получивших свое отражение в том числе в текстах известного математика и кибернетика академика В. Глушкова. Важной частью его научных взглядов (как и советского проекта в целом) были специфические представления об идеальном коммунистическом обществе, которое должно было не просто радикально преобразовать экономику, но и изменить самого человека — создать новую «счастливую субъективность».

Надежда Шалютина в своей статье рассматривает представления о счастье четырех поколений россиян и их взаимосвязь с основными запросами по отношению к государству, интерпретируя результаты интервью в оптике функциональной теории AGIL Т. Парсонса. Вслед за Р. Инглхартом автор фиксирует преобладание у старших поколений (X и бумеров) ценностей безопасности и коллективного благополучия; а у выросших в постсоветском обществе поколений Y и Z — свободы, самовыражения и стремления к индивидуальным достижениям. Общим моментом, присутствующим в высказываниях всех поколений, оказывается запрос на социальную стабильность и мир. Однако конвенциональный концепт «стабильность» понимается при этом по-разному: как поддержание баланса между социальными гарантиями и невмешательством в частную «спокойную» жизнь (бумеры); как основание для легитимации своих представлений о социальной справедливости (поколение X); легитимация недовольства продолжающимися военными конфликтами (миллениалы); спад технологического прогресса и ограничение своих возможностей самореализации (зумеры). Важно отметить, что запрос на управление формируется здесь не элитами или экспертными группами, но снизу — как реакция на социально-политические катаклизмы и экономические трансформации. Эта реакция меняет язык описания социальной реальности — придает старым словам новые коннотации.

Софья Абрамова в статье «Темпоральные ресурсы и временная перспектива счастья в восприятии различных поколений россиян» рассматривает темпоральные метафоры счастья и присущие им парадоксы (например, противоречие между ожиданием лучшего будущего и неуверенностью в его наступлении) в высказываниях представителей поколения X, миллениалов и зумеров. Автор фиксирует устойчивое смещение ожиданий счастья в будущее: свой

текущий уровень счастья россияне оценивают на 6,86 (по 10-балльной шкале), а в будущем — на 7,91. Важно отметить не только преемственность этой ориентации в будущее с советским проектом и «горизонтом ожиданий эпохи модерна» (Козеллек 2016). Предельно показательным представляется также изменение характера этой устремленности в будущее как активного процесса («погони за счастьем», которая предполагает действия) к пассивным ожиданиям «отложенного счастья». Весьма показательным представляется также сравнение результатов исследований Н. В. Шалютиной и С. Б. Абрамовой, — в частности, различия результатов оценок уровня счастья (7,5 vs 6,86), связанных с влиянием старшей возрастной когорты, самооценки которой существенно повышают итоговые результаты и дополняют устремленность в будущее ностальгической идеализацией прошлого.

В заключение стоит отметить, что полевые социальные и антропологические исследования интересны прежде всего тем, что фиксируют существенные различия в представлениях о счастье, которые могут быть спроецированы как в прошлое, так и в будущее; а социальная теория позволяет корректно выстраивать эти диахронические связи, глубже объясняя существующие различия.

18

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00809

The work was funded with a grant from the Russian Science Foundation, project № 24-28-00809

Список источников / References

Адорно Т. (2003) *Негативная диалектика*. М.: Научный мир.

— Adorno T. (2003) *Negative dialectic*. М.: Scientific World. (in Russ.)

Андреенкова А. В. (2020) Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах — сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 155 (1), с. 316–339. EDN: VZRGVO. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>

— Andreenkova A. V. (2020) Cross-national differences in level of happiness in the post-soviet countries: a comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 155 (1), pp. 316–339. (in Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>

Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Издательство Европа.

— Arendt H. (2011) *On Revolution*. М.: Scientific World. (in Russ.)

Байбури А., Пиир А. (2008) Счастье по праздникам. *Антропологический форум*, 8, с. 227-258.

— Baiburin A., Piir A. (2008) Happiness on holidays. *Antropologicheskij forum*, 8, pp. 227-258. (in Russ.)

Беньямин В. (2000) О понятии истории / Пер. с нем. С. Ромашко. *Новое литературное обозрение*, 94 (6), с. 81-90.

— Benjamin W. (2000) On the concept of history. *New Literary Observer*, 94 (6), pp. 81-90. (in Russ.)

Будрайтскис И. (2021) Возвышенное и конечное: к эсхатологическому измерению эстетики. *Новое литературное обозрение*, 172 (6), с. 51-63. EDN: MIFYKY. https://doi.org/10.53953/08696365_2021_172_6_51

— Budraitskis I. (2021) The sublime and the finite: towards the eschatological dimension of aesthetics. *New Literary Observer*, 172 (6), pp. 51-63. (in Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2021_172_6_51

Ветушинский А. (2019) Игровые платформы воображают за нас: конец воображения в видеоиграх. *Новое литературное обозрение*, 158 (4), с. 186-199.

— Vetushinskiy A. (2019) Video game platforms imagine instead of us: the end of imagination in video games. *New Literary Observer*, 158 (4), pp. 186-199. (in Russ.)

Гончарова О. О. (2019) Счастье для всех: забытый концепт или новое основание социального порядка? *Социология власти*, 31 (4), с. 185-209. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-4-185-209>

— Goncharova O. O. (2019) Happiness for all: a forgotten concept or a new foundation of social order? *Sociology of Power*, 31 (4), pp. 185-209. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-4-185-209>

Долгов А. Ю. (2020) Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, (3), с. 11-31. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.03.02>

— Dolgov A. Yu. (2020) Concept of happiness in social theory: classical and contemporary approaches to its conceptualisation. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (3), pp. 11-31. (in Russ.) <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.03.02>

Иллуз Е., Кабанас Э. (2023) *Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь* / Пер. с англ. А. Рахманько. М.: АСТ.

— Illouz E., Cabanas E. (2023) *The Happy Citizens Factory: How the Happiness Industry Controls Our Lives*. М.: AST. (in Russ.)

Иллуз Е. (2020) *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение* / Пер. С. В. Сидоровой. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.

— Illouz E. (2023) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. М.; Berlin: Directmedia Publishing. (in Russ.)

Козеллек Р. (2016) «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории. *Социология власти*, 28 (2), с. 149-173.

— Koselleck R. (2016) "The space of experience" and "the horizon of expectations" — two historical categories. *Sociology of Power*, 28 (2), pp. 149–173. (in Russ.)

Корчинский А. В. (2024) Воображая историю: вместо введения. *Новое литературное обозрение*, 186 (2), с. 37–48. EDN: XDFGNC. https://doi.org/10.53953/08696365_2024_186_2_37

— Korchinsky A. (2024) Imagining history: instead of an introduction. *New Literary Observer*, 186 (2), pp. 37–48. (in Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2024_186_2_37

Лаку-Лабарт Ф. (2009). Проблематика возвышенного. *Новое литературное обозрение*, 95 (1), с. 12–23.

— Lacoue-Labarthe P. (2009) The problematic of the sublime. *New Literary Observer*, 95 (1), pp. 12–23. (in Russ.)

Николаи Ф. (2024) Культурная история и социальные исследования счастья. *Новое литературное обозрение*, 189 (5), с. 292–303. EDN: JDMJEY. https://doi.org/10.53953/08696365_2024_189_5_292

— Nikolai F. (2024) Cultural history and social research on happiness. *New Literary Observer*, 189 (5), pp. 292–303. (in Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2024_189_5_292

20

Олейников А. А. (2021) Время истории. *Логос*, 143 (4), с. 5–30. EDN: BMDLHX. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>

— Oleynikov A. (2021) History's time. *Logos*, 143 (4), pp. 5–30. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>

Подорога В. (2020) Великий страх. Кант читает Берка (к деконструкции возвышенного). *Новое литературное обозрение*, 162 (2), с. 11–28. EDN: XDFGNC. https://doi.org/10.53953/08696365_2024_186_2_37

— Podoroga V. (2020) Great fear: Kant reads Burke (towards the deconstruction of the sublime). *New Literary Observer*, 162 (2), pp. 11–28. (in Russ.) https://doi.org/10.53953/08696365_2024_186_2_37

Подорога В. (2022) *Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства*. М.: Новое литературное обозрение.

— Podoroga V. (2022) *The Sublime. After the Fall. A Brief History of Common Feeling*. М.: New Literary Review. (in Russ.)

Симонова О. (2018) Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». *Социологическое обозрение*, 17 (3), с. 356–378. EDN: YNNFPN. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-356-378>

— Simonova O. (2018) The study of emotions as an area of interdisciplinary cooperation: the history and sociology of emotions in the search for the explanation of "emotional turn". *Russian Sociological Review*, 17 (3), pp. 356–378. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-356-378>

Сушко П. Е. (2020) Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий. *Социологическая наука и социальная практика*, 8 (1), с. 48–62. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>

- Sushko P. E. (2020) Happiness and Social Well-being in the Russians' Assessments: the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociological science and social practice*, 8 (1), pp. 48-62. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>
- Ссорин-Чайков Н. (2013) Топография счастья, новый диффузионизм и этнографические карты модерна. В сборнике: *Топография счастья: этнографические карты модерна*. Под ред. Н. Ссорина-Чайкова. М.: Новое литературное обозрение, с. 5-37.
- Ssorin-Chaikov N. (2013) Topography of Happiness, New Diffusionism, and Ethnographic Maps of Modernity. In: *Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity*. М.: New Literary Observer, pp. 5-37. (in Russ.)
- Троцук И. В. (2021) Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 21 (3), с. 610-622. EDN: CFBVZH. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622>
- Trotsuk I. V. (2021) How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice. *RUDN Journal of Sociology*, 21 (3), pp. 610-622. (in Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622>
- Черныш М. Ф. (2019) Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе. *Социологическая наука и социальная практика*, 7(2), с. 9-33. EDN: WXUPVF. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
- Chernysh M. F. (2019) Factors of influence on the state of happiness in the contemporary Russian society. *Sociological science and social practice*, 7 (2), pp. 9-33. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
- Ahmed S. (2010) *The Promise of Happiness*. Durham, L.: Duke University Press Books.
- Barclay K., McMahon D., Stearns P. N. (2024) The History of Happiness: An Introduction. In: *The Routledge History of Happiness* / Ed. by K. Barclay, D. McMahon, P. N. Stearns. L., N. Y.: Routledge, pp. 1-14.
- Bauman Z. (2006) *Liquid Fear*. N. Y.: Polity.
- Hill N., Brinkmann S., Petersen A. (2020) Critical Happiness Studies: An Invitation. In: *Critical Happiness Studies*. N. Y.: Routledge, pp. 1-20.
- Dixon T. (2023) *The History of Emotions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- McKenzie J. (2016) *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*. N. Y., L.: Routledge.
- McMahon D. (2006) *Happiness: A History*. N. Y.: Grove Press.
- Balina M., Dobrenko E. (2009) Introduction. In: *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*. L., N. Y.: Anthem Press, xv-xxiv.
- Contreras-Vejar Y., Turner B. S. (2019) Reflections on the Regimes of Happiness. In: *Regimes of Happiness: Comparative and Historical Studies* / Ed. by Y. Contreras-Vejar, J. T. Jen, B. S. Turner. L., N. Y.: Anthem Press.
- Rosenwein B. (2024) Happiness in Old Age: A Very Brief History of a Complex Topic. *The Routledge History of Happiness*. Ed. by K. Barclay, D. McMahon, P. N. Stearns. L., N. Y.: Routledge, pp. 70-82.
- Stearns P. N. (2021) *Happiness in World History*. N. Y., L.: Routledge.

Об авторе / About the author

Николай Федор Владимирович — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; старший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация. Область научных интересов: исследования памяти, история эмоций.

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>. E-mail: fvnik@list.ru

Fedor V. Nikolai — Ph.D., Professor, HSE University (Moscow); Senior Researcher, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). Research interests: social epistemology, critical thinking.

<https://orcid.org/0000-0002-8876-9441>. E-mail: fvnik@list.ru